

Рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо: имагопоэтический аспект

А. В. Карпова¹, И. А. Семина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹a.v.karpova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние художественной практики и эстетических воззрений Л. Н. Толстого на французского автора первой половины XX века А. Бордо. Цель исследования – определить особенности рецепции творчества Л. Н. Толстого и ее роль в формировании художественно-эстетической системы избранного французского автора. В работе использован комплексный методологический подход, включающий сравнительно-исторический, имагологический, тезаурусный, аксиологический и биографический методы. Материалом исследования послужил очерк А. Бордо «Граф Лев Толстой. Воскресенье» в контексте сборника эссе «Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления» и в более широком контексте художественного творчества автора. В результате проведенного исследования доказаны значительная степень и комплексный характер влияния творчества Л. Н. Толстого на формирование художественно-эстетической системы А. Бордо.

Ключевые слова: имагология, имагопоэтика, русско-французские литературные связи, Л. Н. Толстой, А. Бордо

Для цитирования: Карпова А. В., Семина И. А. Рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо: имагопоэтический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 113–123.

Original article

Reception of L. N. Tolstoy's Work in the Artistic-aesthetic System of H. Bordeaux: the Imagopoetic Aspect

Anastasia V. Karpova¹, Irina A. Semina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹a.v.karpova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of L. N. Tolstoy's artistic practice and aesthetic views on the French author of the first half of the 20th century, H. Bordeaux. The aim of the study is to identify the specifics of the reception of L. N. Tolstoy's work and its role in shaping the artistic and aesthetic system of the selected French author. The study employs a comprehensive methodological approach, including comparative-historical, imagological, thesaurus, axiological, and biographical methods. The material for the study is H. Bordeaux's essay "Count Leo Tolstoy. Resurrection" in the context of the essay collection "Writers and Morals: Notes, Essays, and Reflections" and the broader context of the author's artistic work. The research demonstrates the significant degree and complex nature of the influence of L. N. Tolstoy's work on the formation of H. Bordeaux's artistic and aesthetic system.

Keywords: Imagology, imagopoetics, Russian-French literary connections, L. N. Tolstoy, H. Bordeaux

For citation: Karpova, A. V., Semina, I. A. (2025). Reception of L. N. Tolstoy's work in the artistic-aesthetic system of H. Bordeaux: the imagopoetic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 113–123. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается сборник эссе А. Бордо «Les Écrivains et les Mœurs : notes, essais et figurines» («Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления»)¹ с точки зрения отражения в нем художественно-эстетических концепций Л. Н. Толстого в оптике русско-французских связей и взаимодействий рубежа XIX–XX веков. Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: доказать факт влияния творчества Л. Н. Толстого на формирование художественно-эстетической системы А. Бордо, проанализировать специфику пост-интерпретационной рецепции идей Л. Н. Толстого в эссеистике и художественном творчестве А. Бордо, определить степень влияния современных имагологических образов Л. Н. Толстого и русской литературы на рецепцию идей Л. Н. Толстого в творчестве А. Бордо.

Предметом исследования является очерк «Граф Лев Толстой. Воскресенье» в контексте сборника эссе, включающего в себя как эссе, посвященные собственно творчеству Л. Н. Толстого и других значимых для Бордо авторов второй половины XIX века, так и тексты на общегуманитарные темы, содержащие развернутый авторский комментарий о французской и мировой литературе в контексте рубежа веков.

Актуальность представленного исследования обусловлена вниманием отечественных литературоведов к имагологии как интердискурсивной отрасли гуманитарного знания, а также обозначившейся в конце XX века тенденцией к дифференциации имагологических направлений, связанных с различными сферами гуманитарного знания, что подтверждается исследованиями, посвященными становлению и актуализации имагологического теоретико-методологического аппарата в современной отечественной гуманитаристике. Так, В. А. Луков предлагает тезаурусный подход к освоению имагологического материала [Луков, 2012]; О. Ю. Поляков рассматривает имагологию как раздел компаративистики [Поляков, Полякова, 2013]; В. П. Трыков развивает и уточняет концепции, предложенные В. А. Луковым, О. Ю. Поляковым, В. Б. Земсковым, А. Ю. Большаковой [Трыков, 2015]. Работая в русле их концепций, В. П. Трыков отделяет имагологический подход от имагопоэтического. А. А. Забияко и Е. В. Сенина изучают специфику художественного образа как центральной категории имагопоэтики [Забияко, Сенина, 2021].

Новизна исследования обусловлена обращением к проблеме рецепции творчества Л. Н. Толстого в

формировании художественно-эстетической системы А. Бордо, не являвшейся ранее предметом имагопоэтического исследования.

В основу исследования положен комплексный подход, объединяющий элементы сравнительно-исторического, имагологического, тезаурусного, аксиологического, биографического методов, мотивированный неопределенным статусом имагологии в современной гуманитаристике [Трыков, 2015] и необходимостью подчеркнуть литературоведческую оптику проводимого исследования, ввиду чего мы считаем целесообразным обратиться к уточненному понятию «имагопоэтика», предложенному В. П. Трыковым [там же]. Выбор методологии исследования также обусловлен «имманентной зависимостью» восприятия художественного образа от общественно-политических, религиозных установок своей эпохи и биографически обусловленных установок реципиента [Веселовский, 2018; Забияко, Сенина, 2017].

Теоретическую основу настоящей статьи составляют литературоведческие работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные становлению и развитию имагологии и имагопоэтики [Поляков, Полякова, 2013; Луков, 2008; Луков, 2012; Трыков, 2015], проблеме рецепции русской литературы во французском культурном сознании XIX века и рубежа веков [Трыков, 2021; Ощепков, Трыков, 2010], творчеству Л. Н. Толстого как предмету имагологического исследования [Трыков, 2014; Трыков, 2021; Чистякова, 1937; Григорьев, 1964; Гладкова, 2023], а также творчеству А. Бордо [Сапиро, 2017; Ferchat, 1912; Григорьев, 1964].

ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ЧАСТЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНЦЕНТРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОЗНАНИИ РУБЕЖА ВЕКОВ

На рубеже XIX–XX веков во французском литературном сознании происходит формирование русского литературного центра [Трыков, Ощепков, 2010, с. 146] как специфического центра инациональных литературных взаимодействий в рамках культуры-реципиента, обладающего кумулятивным характером, однако имеющего тенденцию к диссоциации культурной специфики в результате сближения с культурой-реципиентом и ее ответного влияния [Луков, 2008, с. 18–19].

До второй половины XIX века русская литература не являлась предметом концентрированного интереса и оставалась на периферии французского художественного сознания: в XVIII веке произведения отдельных русскоязычных авторов, в их числе А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, переводились на французский

¹Здесь и далее перевод наш. – А. К., И. С.

язык и публиковались, однако не привлекали внимания широкой публики [Трыков, Ощепков, 2010]; в первой половине XIX века предметом по-прежнему весьма ограниченного интереса французского читателя становятся русская драматургия, творчество И. А. Крылова как баснописца и драматурга, творчество Н. М. Карамзина, специфическую рецепцию получает творчество А. С. Пушкина.

Современные исследователи русско-французских литературных связей и рецепции русской литературы во французском культурном пространстве отмечают общую для французской критики XVIII–XIX веков тенденцию к определению русской литературы как подражательной и неоригинальной [там же]. В числе причин манкирования произведениями русской литературы в рассматриваемый период исследователи называют утвердившееся при Старом порядке и сохраняющееся до середины XIX века «убеждение в абсолютном превосходстве французской литературы» [там же, с. 147], ангажированное гетеротопическое восприятие России как «варварской страны» [там же, с. 147], а также качество переводов на французский язык произведений русской литературы [там же], не позволявшее составить развернутое представление об их специфике.

Во второй половине XIX века исследователи отмечают усиление интереса к русской литературе, пристальное внимание французской критики к творчеству И. С. Тургенева, с изучения которого начинается «серьезное освоение русской литературы во Франции» [там же, 2010, с. 148], к творчеству А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Интерес к русскому роману во второй половине XIX века объясняется «реакцией на французский натурализм» [там же, с. 149]: русский роман представляется альтернативой декадентским тенденциям в современной французской литературе [Григорьев, 1964] и благодаря этому крайне положительно воспринимается авторами-традиционалистами, не признающими ни натуралистическую деформацию и ее «грубое преувеличение реальности» [Bordeaux, 1902, с. 26], ни концепцию «искусства для искусства» с ее формоцентричным дискурсом, стремлением к размежеванию искусства и жизни [там же, с. 15].

Одним из первых французских критиков и исследователей, в положительном ключе обратившихся к русской литературе и к русскому роману в частности, отметивших «самобытность, оригинальность и художественные достоинства русской литературы» [Трыков, Ощепков, 2010, с. 150], был Э.-М. де Вогюз, опубликовавший в 1886 году работу «Русский роман», посвященную творчеству Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и затем

в 1892 году совместно с Э. Эннекеном работу, посвященную собственно творчеству Л. Н. Толстого.

В исследовании Ш. Корбе, посвященном русско-французским связям в XIX веке и в том числе рассматривающем проблему французской рецепции русской литературы, подчеркивается пристальное внимание в конце 1880 – начале 1890-х именно к фигуре Л. Н. Толстого, интерес к творчеству которого, по словам исследователя, многократно превзошел интерес к «прочим русским писателям в сознании французов» [цит. по: Трыков, 2014, с. 345]. Во французской критике к творчеству Л. Н. Толстого обращались также Ж. Пелисье («Études de littérature contemporaine», 1901), [Григорьев, 1964; Трыков, 2010], Р. Роллан («Жизнь Толстого», 1911), А. Сюарес («Толстой», 1899), Ж. Дюма («Толстой и философия любви», 1893), Ф. Шрёдер («Толстовство», 1893), Э. Род («Нравственные идеи современности», 1891), Л. Леже («История русской литературы», 1905) [Трыков, 2014], М. Леблон («La justice russe. D'après les oeuvres de Gogol, Dostoiewski, Tourgueneff et Tolstoi», 1899), А. Бретон («La pitié sociale dans le roman», 1900), [Григорьев, 1964] и др. Исследователи утверждают, что творчество Л. Н. Толстого достигает апогейной точки читательского интереса в европейском культурном пространстве с публикацией романа «Воскресенье» [там же] (первые переводы романа на французский, немецкий, английский языки выходят уже в 1899 году). Отдельно необходимо отметить, что не только художественная проза Л. Н. Толстого, но и его эстетико-философские произведения, среди которых главное место занимает трактат «Что такое искусство?» 1898 года, где автор рассматривает в том числе французские эстетические теории XVIII века [Гладкова, 2023], становились предметом изучения современной французской критики. Бесспорно воздействие философской и художественно-эстетической мысли Л. Н. Толстого и на современную автору французскую художественную прозу – мы можем говорить о создании широкого ряда романов в результате непосредственного влияния идей и произведений Л. Н. Толстого, в числе которых роман Э. Рода «Бесполезное усилие» (1903), романы М. Прево «Тайный сад» (1897), «Сильные девы» (1900) [там же], роман Ш.-Л. Филиппа «Бюбю с Монпарнаса» (1901), драматическое переложение романа «Воскресение» А. Батайля (1902) [Григорьев, 1964] и др.

Подобное усиление влияния русской литературы и творчества Л. Н. Толстого в частности может обуславливаться изменившейся динамикой восприятия русской литературы, которая в оптике французской критики может прослеживаться в соответствии критерию универсальности – если творчеству А. С. Пушкина во французской критике

«отказывают во всемирности» [Трыков, 2021, с. 54], то в статьях, посвященных творчеству А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, французские критики-современники отмечают общезначимость, «эссенциальность» их творчества [цит. по: Владимирова, 1978, с. 36].

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БОРДО: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ПОСТ- ИНТЕПРЕТАЦИОННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Среди прочих французских авторов рассматриваемого периода к творчеству Л. Н. Толстого через рецептивную оптику обращается А. Бордо – французский автор первой половины XX века, оставшийся в памяти зарубежного литературоведения как автор-традиционалист, член Французской академии, крупный представитель французского католического возрождения рубежа XIX–XX веков, обращающийся в своем творчестве к проблеме идентичности в контексте современного автору кризиса аксиологических категорий. Творческое наследие А. Бордо составляет более 30 романов, а также ряд критических сборников, посвященных актуальным проблемам литературы и искусства. Художественно-эстетическая система А. Бордо складывается под влиянием социально-исторических изменений второй половины XIX – начала XX веков и последовавшей за ними трансформацией философско-эстетического сознания, обусловивших специфику художественных средств и проблематики французского романа рубежа веков. Значительную роль в формировании данной системы играет погруженность А. Бордо в современный автору национальный и зарубежный литературный контекст. Отдельный интерес представляет внимание А. Бордо к творчеству Л. Н. Толстого как на уровне художественной критики, так и на уровне рецепции и пост-интерпретационной репрезентации отдельных нарративных стратегий романов автора, чем обуславливается имагопоэтический фокус проводимого исследования.

Единственным текстом сборника А. Бордо «Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления», посвященным непосредственно творчеству Л. Н. Толстого, является эссе «Граф Лев Толстой. Воскресенье». Однако А. Бордо неоднократно обращается к фигуре Л. Н. Толстого и в прочих статьях сборника. Особый интерес представляет трехчастная структура сборника: первая часть включает в себя эссе, посвященные кризису современного романа, тенденциям в современной романной прозе, а также творчеству французских авторов XIX века и рубежа веков. Вторая часть сборника посвящена французской социокультурной критике. В третьей

части автор рассматривает избранные произведения писателей мировой литературы.

17. Первоочередно необходимо обратить внимание на название сборника эссе А. Бордо, уже в заглавие вынесшего проблему морали и нравов, а через нее вопрос роли дидактической составляющей в построении художественного текста и проблему социальных роли и ответственности писателя, ставшую предметом дебатов во Франции первой половины XX века [Сапиро, 2017], в которых А. Бордо принимал участие в составе группы консервативно настроенных писателей-традиционалистов под предводительством П. Бурже и Ф. Брунетьера [там же], на работы и творчество которых А. Бордо активно ссылается в своей эссеистике [Bordeaux, 1902]. Представленные эстетико-философские проблемы, вопросы формы и содержания художественного текста, а также отдельные тексты писателей-современников А. Бордо рассматриваются автором с опорой на конкретизированную аксиолого-этическую систему координат, которую современная эпохе деятели философии и культуры, а также исследователи французской литературы рассматриваемого периода обозначают как «национальный морализм» [Сапиро, 2017, с. 149], представляющий собой реакцию на литературный и художественный модернизм. Сам Бордо обозначает представленную систему как «католический морализм» [Bordeaux, 1902, с. 70], подчеркивая ее неотъемлемую религиозную составляющую. Внимание автора к данной системе особенно важно в контексте имагопоэтического подхода к представленному исследованию как системе, сочетающей в себе и этнические константы, и ценностные доминанты, необходимые для «формирования образов взаимного восприятия при взаимодействии культур» [Забияко, Сенина, 2021, с. 167]..

Отдельно необходимо отметить авторский комментарий касательно соотношения понятий «мораль» и «нравы», определяемых автором в открывающем эссе сборника «Кризис романа» через степень их социальной динамики – А. Бордо отмечает статичность моральных категорий, строящихся на неизменных принципах, и исторически обусловленную изменчивость категории нравов [Bordeaux, 1902], утверждая таким образом примат морали над нравами, подверженными циклической деградации в периоды цивилизационного кризиса, один из которых приходится на современный автору рубеж веков и сопоставляемый самим А. Бордо [Bordeaux, 1902], как и многими его современниками, с Римской империей периода упадка и «античным декадансом» [Гаспаров, 1975, с. 556]. В этой связи в русле вышеупомянутой полемики им поднимается вопрос об ответственности писателя

перед современным читателем и его принципиальной роли в сближении морали и нравов.

Статья, посвященная Л. Н. Толстому, открывает третью часть сборника, куда также входят очерки, посвященные художественному творчеству и теоретическим работам Д. Рескина, романам «Свет погас» Р. Киплинга и «Огонь» Г. д'Аннунцио. Обращение к творчеству Л. Н. Толстого развернуто не обосновывается А. Бордо в тексте, автор кратко объясняет его интересом к публикации нового романа Л. Н. Толстого «Воскресенье» в 1899 году [Bordeaux, 1902], однако мы находим выбор как автора, так и произведения в качестве предмета исследования в рассматриваемом эссе показательным с точки зрения моральной-этической оптики, которую А. Бордо формулирует в открывающем эссе сборника – можно утверждать, что творчество Л. Н. Толстого представляется А. Бордо репрезентативным для актуальной художественно-эстетической проблематики, являющейся предметом сборника и определившей его структуру.

Мы находим данный интерес также мотивированным в числе прочего вышеупомянутой полемикой традиционалистов и модернистов, свидетельствующей о кризисном положении и неопределенном самоидентификационном статусе современного французского романа. На наш взгляд, обращение в заключительной части сборника к романам не национальной, но мировой литературы, в том числе к произведениям авторов, в творчестве которых так или иначе представлена французская тема, соответствует общим задачам сборника, отвечая на потребность в цивилизационной рефлексии и самопознании через восприятие «своего» в «чужом» [Забияко, Сенина, 2021; Трыков, Ощепков, 2010]. Обращение к произведениям, опубликованным в последнее десятилетие и позднее, также обуславливает полемический характер очерков и предполагает возможность дискурсивного продолжения.

Как отмечает сам А. Бордо, его знакомство с текстами Л. Н. Толстого осуществлялось через переводы на французский язык, которым, например, в контексте толстовского трактата «Что такое искусство?» сам Бордо приписывает «пренебрежение <...> деталями и непонимание общего замысла» [Bordeaux, 1902, с. 282]. Примечательно, что и вышеупомянутый трактат, и роман «Воскресенье» на момент написания эссе французского критика существует в двух переводах: переводе Т. де Визева и И. Д. Гальперина-Каминского, причем перевод Гальперина-Каминского был выполнен в сокращенном виде с элементами частичного пересказа на французский язык [Гладкова, 2023]. На проблемы с переводами активно указывали

современники: в 1900 году в литературно-художественном журнале «La Revue blanche» французский переводчик и журналист А. Субербель публикует критическую заметку «Comment on traduit Tolstoï», в которой указывает на значительные недостатки перевода Т. де Визева, в числе которых сокращения и симплификация оригинального текста (вплоть до удаления целых сцен с изображением православного богослужения), намеренное опущение деталей, составляющих национальную специфику текста, результатом чего становится сохранение только общей сюжетной канвы романа [Souberbielle, 1900]. В опубликованном ответе переводчика [Souberbielle, Wyzewa, 1900] содержится как признание в некотором сокращении текста, обусловленного его чрезмерной сложностью для французского читателя, так и указание на то, что перевод осуществлялся не с опубликованного итогового варианта романа, но с рукописной версии, переданной переводчику сыном Л. Н. Толстого. Иными словами, мы можем утверждать, что рецепция творчества Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо является опосредованной и обусловлена уже несущей на себе имагологический отпечаток оптикой перевода.

Статью открывает подчеркнуто стереотипизированное сопоставительное обращение к этническим образам холодных северных и жарких южных стран, через их гиперболизацию переходящее к описанию произведений авторов «чрезмерного темперамента» и таким образом формулирующее специфическую дихотомию русской и французской литературы через предвосприятие читателя, заданное в том числе указанием на автора и его конкретный роман в заголовке эссе – А. Бордо намеренно погружает читателя в широкий контекст современных русско-французских литературных связей. Здесь же критик обозначает Л. Н. Толстого как «темпераментного гения», предпочитающего «характер произведения красоте» и совмещающего в последнем романе «свои самые прекрасные достоинства и самые страшные недостатки» [Bordeaux, 1902, с. 281]. Здесь же А. Бордо отсылается к высказыванию Т. Б. Маколя об обоснованности критики Данте, опосредованно сближая творчество Данте и Толстого, и призывает отказаться от безусловного восхищения из уважения к гениальному автору. Иными словами, уже во вступительной части статьи через стереотипизированные этнические образы автор создает яркий, почти архетипический портрет Л. Н. Толстого, чье творчество заведомо противопоставляется французской литературе, – далее мы увидим углубление и развитие данного противопоставления. В условиях намеченного противопоставления национальных

литератур образ Толстого как «темпераментного гения» работает на предварительное формирование гетерообраза русской литературы, отличающегося внутренней страстностью, эмоциональной насыщенностью, что противопоставляется более рационализированному и эстетически ориентированному автообразу французской литературы.

Продолжая одну из магистральных тем сборника, утверждающую двойственность творческой личности всякого деятеля искусства и литературы в частности и ее разделение на «мыслителя» и «писателя», А. Бордо в своем эссе старается распределить те или иные авторские решения Л. Н. Толстого по этим двум ипостасям, утверждая, во-первых, их теснейшее смешение в творчестве Толстого именно в романе «Воскресение», во-вторых, выражая свое восхищение писательской и категорическое несогласие с концепциями философской. Здесь же А. Бордо утверждает, несмотря на признание гениальности последнего романа Л. Н. Толстого в «изображении прекрасных человеческих страстей» [Bordeaux, 1902, с. 282], свое предпочтение более ранних романов автора.

Можно утверждать, что эссе о Толстом выполняет генерализирующую функцию относительно современной А. Бордо русской литературы, о чем свидетельствует выбор романа 1899 года. Аналогичным образом представляется, что избранные авторы, творчеству которых посвящены другие статьи третьей части сборника, выполняют генерализирующую функцию для британской и итальянской литературы соответственно, с которыми А. Бордо вступает в условный диалог о природе искусства и кризисе современного романа. Отдельным аргументом в пользу данного тезиса представляется выбор сопоставляемых авторов – необходимо отметить взаимную критику Л. Н. Толстого (*Л. Н. Толстой. Письма к С. А. Толстой, 1887–1910*) и Р. Киплинга [Григорьев, 1964]. Также А. Бордо неоднократно противопоставляет в тексте эссе, посвященного роману «Воскресение», творчество Л. Н. Толстого как «русского романиста» творчеству «французов» и «англичан», «латинского гения» [Bordeaux, 1902].

Принципиальной точкой соположения романов Л. Н. Толстого и романов европейских авторов (примечательно, что в статье А. Бордо не всегда обращается при сопоставлении к конкретной национальной литературе, но обращается ко всей европейской традиции под знаком «латинского гения») становится масштаб описываемых событий. Критик отмечает «эпические пропорции» русского романа, которые противопоставляются им «безупречной лаконичности» европейского [там же, с. 283]. Однако именно в масштабном эпическом повествовании Л. Н. Толстого А. Бордо отмечает «мощнейшее

жизненное содержание», «парад человечества», «воплощение всего того, что мы чувствовали, думали и любили», «живую ... эпоху во всей ее полноте» [там же, с. 283], недоступные, по мнению критика, французским реалистам, тексты которых строятся вокруг единичных героев и ситуаций и могут детально изобразить только «обрывок жизни» [там же, с. 283]. Нам представляется необходимым обратить внимание на использование здесь местоимения «мы», выраженного в оригинальном тексте эссе местоимением «nous», а не неопределенно-личным местоимением «on», что подчеркивает космополитическую гуманистическую рецепцию критиком творчества Л. Н. Толстого и позволяет последовательно преодолеть в эссе ту дистанцию, которую А. Бордо сам устанавливает ранее, обособляя русскую литературу от французской и европейской.

На широту гуманистической рецепции автором творчества Л. Н. Толстого указывает также упомянутый фокус в эссе А. Бордо на коллективном, а не индивидуальном образе как центральном для произведений русского романиста: творчество Л. Н. Толстого, утверждает А. Бордо, это «...творчество <...>, которое не говорит больше о кризисе отдельного человека, но о жизни всех слоев общества» [там же, с. 283] – фокус, который в художественном произведении самого А. Бордо позднее станет центральным. Отдельно необходимо отметить, что все художественные произведения А. Бордо были написаны после публикации романа «Воскресение» – его первые романы, в числе которых «Родной край», «Страх жизни» и «Роквиллары», публикуются в 1900–1906 годы и испытывают на себе несомненное влияние творчества Л. Н. Толстого как на аксиолого-этическом уровне (А. Бордо в своем творчестве активно обращается к родственным толстовскому роману проблеме разрыва индивидуального и коллективного образов, проблеме дихотомии внутреннего индивидуального образа на физический и моральный [там же, с. 17], предпринимает попытку встроить образ индивидуальной семьи в более широкий историко-национальный контекст и т. д.), так и на уровне заимствования отдельных элементов мотивно-сюжетного комплекса романов автора (так, например, сюжетная канва романа «Роквиллары» частично повторяет отдельные сюжетные элементы романа «Анна Каренина»).

А. Бордо отмечает в очерке свое принципиальное несогласие позицией Л. Н. Толстого – «мыслителя» о природе искусственного и естественного – теме, к которой русский автор обращается в самой первой сцене романа «Воскресение», описывающей весеннее буйство природы, которое не может сдерживать искусственное пространство – сперва городское, затем тюремное. В результате

столкновение искусственного и естественного ложится в основу одной из центральных проблем романа. Критик обвиняет Л. Н. Толстого в анархизме и руссоизме [там же, с. 291] и отстаивает примат рукотворного порядка над природным хаосом, отделяя образ коллективный искусственный, т. е. организованный, от естественного, т. е. хаотического, стремление к которому Бордо ошибочно, на наш взгляд, приписывает Л. Н. Толстому, выводя его из критического взгляда русского романиста на правовую и пенитенциарную систему, которые сам А. Бордо, получивший юридическое образование и много лет работавший адвокатом, защищает.

К вопросу влияния идей Ж.-Ж. Руссо на свое творчество в это время неоднократно обращается сам Л. Н. Толстой – в отдельных беседах, в письмах и дневниках: «В моей жизни было два великих и благотворных влияния: Руссо и евангелие», – пишет Л. Н. Толстой в письме жене в Женеве «Обществу Руссо» 1905 года [цит. по: Чистякова, 1937, с. 984]. В схожей формулировке описывает творчество Л. Н. Толстого в своем эссе А. Бордо: «Автор черпал без стеснения и из Евангелия, и из Ж.-Ж. Руссо: отсюда он взял теорию, чей посыл был сам по себе новым и отвергал всякий принцип авторитета» [Bordeaux, 1902, с. 282], неразрывно связывая руссоистскую концепцию и понятие анархизма. Однако сам Л. Н. Толстой позднее обращается к данному вопросу в своих дневниках: «Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую» [там же, с. 984]. Иными словами, А. Бордо связывает понятия искусственной системы и систем религиозной, государственной и социальной как рукотворных, рассматривая отрицание любой из них как проявление анархизма, предполагающее отрицание всех систем. Здесь мы находим точку принципиального расхождения взглядов Л. Н. Толстого и А. Бордо: для Толстого естественный божественный закон противостоит искусственным урбанистическим конструкциям, разрушающим духовного человека. Бордо же, игнорируя эту дихотомию и трактуя религию как еще одну форму упорядоченной системы, интерпретирует философию Толстого как моральную анархию, упрощая ее до радикального отрицания любых систем, включая религиозные. Этот подход отражает имагологическую специфику восприятия Толстого во французской интеллектуальной среде, где его образ формируется под влиянием национальных представлений о Ж.-Ж. Руссо как символе радикального свободомыслия, в котором «любой мыслящий человек представляется не иначе как развращенный зверь» [Bordeaux, 1902, с. 291]. В результате Бордо отрицает нравственно-религиозную

основу толстовской мысли, которая в романе «Воскресение» проявляется как естественный порядок, что приводит к специфической ангажированной рецепции идей русского писателя в контексте французской традиции.

Вышеупомянутое столкновение рукотворного и хаотического коллективного образов встречается во многих романах А. Бордо. Центральным для произведений автора нередко становится коллективный образ семьи с четко выделенной фигурой патриарха, следование за которым обеспечивает продолжение и сохранность семейного образа, а потеря ставит под угрозу само существование семьи. Вместе с тем А. Бордо разделяет взгляд Л. Н. Толстого на городское пространство как развращенное и развращающее, а также беспамятное. И в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», и в романах А. Бордо столкновение человека с городским пространством приводит к потере духовной памяти и примату животного эгоистического начала у Толстого, потере коллективной памяти и примату физического начала у Бордо.

Вслед за Э.-М. де Вогюэ, отмечающим в русском романе в целом и в творчестве Л. Н. Толстого в частности человеколюбие, «христианский дух сострадания и любовь к человеку» [Трыков, Ощепков, 2010, с. 150], А. Бордо обращает внимание на бесконечную любовь «к живым душам» в романе Л. Н. Толстого [Bordeaux, 1902, с. 281]. Именно через проблему любви и различные национальные образы любви прочитываются все эссе Бордо, посвященные современной зарубежной литературе: через оптику морали в романе Л. Н. Толстого для русской литературы, через двойную оптику красоты и человеческого триумфа над страданием в творчестве Д. Рескина и Р. Киплинга для английской литературы, через оптику страсти и любви к жизни в романе д'Аннунцио для итальянской литературы. Мы можем говорить о формировании национального образа любви посредством генерализации.

А. Бордо противопоставляет Л. Н. Толстого и французских авторов-современников – Ж.-К. Гюисманса, Г. Флобера, Г. де Мопассана – первоочередно через гуманистическую перспективу, утверждая, что творчество его соотечественников отличается от толстовского «иронией и нахальством», «человечеконенавистничеством» или «хладнокровием», в то время как Л. Н. Толстой неизменно смотрит на человека с любовью и жалостью [Bordeaux, 1902, с. 284]. Данное сопоставление крайне примечательно в контексте той глубокой рецептивной связи, которая существует между Л. Н. Толстым и классической французской литературой [Чистякова, 1937], а также взаимной рецептивной связи между Л. Н. Толстым и современным французским

романом [Гладкова, 2023]. Важно отдельно отметить сопоставление двух писателей в очерке творчества Л. Н. Толстого и Г. де Мопассана, рассказ которого «В порту» 1889 года построен вокруг сходной сюжетной канвы об узнавании в проститутке некогда близкой и невинной девушки – сестры у Мопассана, первой возлюбленной у Толстого. Рассказ был переведен Л. Н. Толстым в свободной форме с художественными правками и под названием «Франсуаза» опубликован в 1891 году. Несомненна некоторая степень влияния рассказа Мопассана на формирование сюжетной канвы романа «Воскресение», однако А. Бордо отмечает принципиальное различие в средствах реализации избранного сюжета.

Сопоставление Л. Н. Толстого и избранных авторов в представленном гуманистическом ключе говорит о специфическом восприятии А. Бордо вслед за современными французскими писателями-традиционалистами русской литературы как сближающейся с французской, выбирающей родственные сюжеты и тематико-проблематические поля, но представляющей альтернативные решения для избранной проблематики и вместе с этим для современного кризисного романа – источником этой альтернативы является, согласно А. Бордо, глубоко укорененный в художественном пространстве текстов гуманизм, не позволяющий отделить дидактическое начало произведения, ориентированное на актуальную современному читателю проблематику, от эстетического. Воплощением русского романиста в критике А. Бордо и позднее в его художественном творчестве становится именно Л. Н. Толстой – А. Бордо не обращается развернуто ни к одному другому русскому писателю в своих очерках и эссе, несмотря на пристальное внимание его французских современников к творчеству расширяющегося круга русских авторов.

Одновременно с выделением и обособлением специфического образа русской литературы, воплощенного в творчестве Л. Н. Толстого, А. Бордо выносит его в один ряд с творчеством «мэтров» – У. Шекспира, Г. Флобера и О. де Бальзака – авторов, которые отбираются А. Бордо по критерию универсальности [Bordeaux, 1902, с. 284]. Примечателен выбор авторов, результатом которого, на наш взгляд, становится формирование в эссеистике А. Бордо понятия специфического мирового центра, основанного не на национальном, но гуманистическом основании. Данный тезис впервые формулируется уже в открывающем эссе сборника, где автором в контексте кризиса романного жанра поднимается вопрос о его задачах, ответственности писателя первоочередно перед современным ему читателем за формирование нравственного аппарата, о природе искусства как такового, отмечается

принципиальное объединяющее воздействие искусства [Bordeaux, 1902] – сборник эссе А. Бордо в определенном смысле может считаться дискурсивным продолжением трактата Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» (к которому А. Бордо обращается в том же эссе), завершающим утверждением которого является тезис о назначении искусства в современную эпоху – «осуществлении братского единения людей» (Л. Н. Толстой. *Что такое искусство?*).

Иными словами, А. Бордо через первичный имагологический образ Л. Н. Толстого, сформулированный общей национальной рецептивной традицией и существующий в современном французском художественном сознании, а также неточными переводами, старается сформулировать комплексный имагопоэтический образ Л. Н. Толстого, хоть и сохраняющий в себе гетерообразную специфику национальной литературы, но стремящийся к принципиальному разрыву с национальным основанием через гуманистическую оптику, маркированную А. Бордо как инструмент универсализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование раскрывает сложную рецепцию литературных и эстетических идей Л. Н. Толстого в художественно-эстетической системе А. Бордо. Анализ представленного эссе «Писатели и нравы: заметки, эссе и размышления» как в оптике сборника эссе, так и в более широкой оптике художественного творчества французского автора демонстрирует, что творчество Л. Н. Толстого оказало значительное влияние на становление представлений А. Бордо о задачах искусства и литературы в решении моральных и социальных вопросов, а также на формирование аксиолого-этической системы писателя. Отмечается двойственность представленного влияния: с одной стороны, А. Бордо видит в творчестве Л. Н. Толстого и опосредованно в русской литературе с ее эпическим размахом и гуманистической глубиной альтернативу ограничениям современного французского романа, которую он стремится имплементировать и концептуально развить в своих эссеистике и художественном творчестве; с другой – А. Бордо настаивает на избирательной рецепции и по ряду вопросов вступает в дискуссию с «социалистическими» тезисами Л. Н. Толстого, в результате которой полемически выводит некоторые основания художественно-эстетической системы, на которую автор будет в дальнейшем опираться в своем творчестве. Эта амбивалентность восприятия философских идей Толстого отражает более широкие культурные и идеологические различия между русской и французской литературными

традициями, подчеркивая роль взаимодействия культурно-национальных идентичностей в процессе литературной рецепции.

Доказывается, что образ Л. Н. Толстого в эссе А. Бордо эволюционирует от национального стереотипа к более универсальной фигуре, сохраняя при

этом определенную инаковость, укорененную во французских представлениях о русской литературе. Эта эволюция подчеркивает динамичную природу литературной рецепции, где образ автора может преодолевать национальные границы, оставаясь при этом под влиянием культурных контекстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луков В. А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. О. Ю. Поляков. Киров: Радуга-Пресс, 2012. С. 15–32.
2. Поляков О. Ю. Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-Пресс», 2013.
3. Трыков В. П. Имагология и имагопэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. Вып. 3. С. 120–129.
4. Забияко А. А., Сенина Е. В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. Вып. 1. С. 166–171.
5. Веселовский А. Н. Социальные идеалы и идеалы искусства // Традиционная культура. Научный альманах. 2018. Т. 19. № 1. С. 13–35.
6. Луков В. А. Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 18–23.
7. Трыков В. П. Статьи о русской литературе XIX века в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» // Литература в школе. 2021. № 1. С. 50–66.
8. Ощепков А. Р., Трыков В. П. Русский концентр во французском литературном сознании XIX века // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 146–151.
9. Трыков В. П. Л. Н. Толстой и русские в очерке Ромена Роллана «Жизнь Толстого» // Преподаватель XXI век. 2014. № 3–2. С. 345–353.
10. Чистякова М. М. Лев Толстой и Франция // Литературное наследство. Т. 31/32 : Русская культура и Франция, кн. 2. М., 1937. С. 981–1025.
11. Григорьев А. Л. Роман «Воскресение» за рубежом // Толстой Л. Н. Воскресение. М.: Наука, 1964. С. 552–573.
12. Гладкова (Калюжная) Л. В. Л. Н. Толстой и его франкоязычные корреспонденты об искусстве. Рецепция трактата «Что такое искусство?» во Франции // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 253–267.
13. Сапиро Ж. Дебаты об ответственности писателя во Франции и США (1920-е - 1950-е гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 4 (39). С. 148–161.
14. Ferchat J. Le Roman De La Famille Francaise: Essai Sur L'oeuvre De M. Henry Bordeaux. Paris: Plon-Nourrit, 1912.
15. Bordeaux H. Les Écrivains et les Mœurs: notes, essais et figurines (1900-1902). Paris: Plon-Nourrit, 1902.
16. Владимирова А. И. Достоевский во французской литературе XX века // Достоевский в зарубежных литературах: сборник научных трудов / отв. ред. Б. Г. Реизов. Л.: 1978. С. 37–60.
17. Гаспаров М. Л. Брюсов и античность // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 5. Алтарь победы. Юпитер поверженный.
18. Souberbielle A. Comment on traduit Tolstoï // La Revue blanche. № XXII. 1900. P. 44–52.
19. Souberbielle A. Wyzewa T. de. À propos de la traduction de «Résurrection» : Deux lettres // La Revue blanche. 1900. № XXII. P. 130–134.

REFERENCES

1. Lukov, V. A. (2012). Imagologiya: tezaurusnye rasshireniya = Imagology: Thesaurus Expansions. In Imagologicheskie aspekty russkoi i zarubezhnykh literature (pp. 15–32): collection of papers. Kirov: Raduga-Press. (In Russ.)
2. Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. (2013). Imagologiya: teoreticheskoe-metodologicheskoe osnovy = Imagology: Theoretical and Methodological Foundations. Kirov: Raduga-Press. (In Russ.)
3. Trykov, V. C. (2015). Imaginology and Imagopoetics. Knowledge. Understanding. Skill, 3, 120–128. (In Russ.)

4. Zabiako, A. A., Senina, E. V. (2021). Imagery perception of foreign culture as a category of imagological poetics. *The Humanities and social studies in the Far East : научно-теоретический журнал*, 18(1), 166–171. (In Russ.)
5. Veselovsky, A. N. (2018). Social'nye idealy i idealy iskusstva = Social Ideals and Ideals of Art. *Scholarly almanac "Traditional culture"*, 19(1), 13–35. (In Russ.)
6. Lukov, V. A. (2008). Literaturnye koncentry Evropy v predpochteniyakh russkogo kul'turnogo tezaurusa = Literary Concentrates of Europe in the Preferences of the Russian Cultural Thesaurus. *Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 18–23. (In Russ.)
7. Trykov, V. C. (2021). Articles on the 19-th century Russian literature in the Parisian magazine "Revue deux mondes". *Literature at school*, 1, 50–66. (In Russ.)
8. Oschepkov, A. R., Trykov, V. C. (2010). The Russian Concentrate in the French Literary Consciousness of the 19th Century. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 146–151. (In Russ.)
9. Trykov, V. C. (2014). L.N. Tolstoy and Russians in the essay "The life of Tolstoy" by Romain Rolland. *Prepodavatel' XXI vek*, 3-2, 345–353. (In Russ.)
10. Chistyakova, M. M. (1937). Lev Tolstoj i Franciya = Leo Tolstoy and France. In *Literaturnoe nasledstvo* (vol. 31/32, book 2. Russkaia kul'tura i Frantsiia, pp. 981–1025). Moscow. (In Russ.)
11. Grigoriev, A. L. (1964). Roman "Voskresenie" za rubezhom = The Novel "Resurrection" Abroad. In Tolstoy, L. N., *Voskresenie* (pp. 552–573). Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Gladkova (Kalyuzhna), L. V. (2023). L. N. Tolstoj i ego frankoyazychnye korrespondenty ob iskusstve. *Receptiya traktata «Chto takoe iskusstvo?» vo Francii = L. N. Tolstoy and His Francophone Correspondents on Art: Reception of the Treatise "What Is Art?" in France*. *Literary fact*, 4(30), 253–267. (In Russ.)
13. Sapiro, Zh. (2017). The Debates on the Writer's Responsibility in France and the United States from the 1920-s to the 1950-s. *Perm university herald. History*, 4(39), 148–161. (In Russ.)
14. Ferchat, J. (1912). *Le Roman De La Famille Francaise: Essai Sur L'oeuvre De M. Henry Bordeaux*. Paris: Plon-Nourrit.
15. Bordeaux H. (1902). *Les Écrivains et les Mœurs : notes, essais et figurines (1900–1902)*. Paris: Plon-Nourrit.
16. Vladimirova, A. I. (1978). Dostoevsky in French Literature of the 20th Century. In *Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh* (pp. 37–60): collection of papers. Leningrad: Nauka (In Russ.)
17. Gasparov, M. L. (1975). Bryusov and Antiquity. In *Bryusov, V.Ya., Sobr. soch.: in 7 vols* (Vol. 5. The Altar of Victory. Jupiter is defeated). Moscow. Izdatel'stvo Khudozhestvennaya literature. (In Russ.)
18. Souberbielle, A. (1900). Comment on traduit Tolstoi. *La Revue blanche*, XXII, 44–52.
19. Souberbielle, A., Wyzewa, T. de. (1900). À propos de la traduction de «Résurrection»: Deux lettres. *La Revue blanche*, XXII, 130–134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова Анастасия Владимировна

преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karpova Anastasia Vladimirovna

Lecturer at the Department of Russian and World Literature

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.08.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	17.09.2025	accepted for publication